

Соня Сирена

Ты это съешь

Эпизод 1. Пробуждение

Когда я очнулся в больничной палате, доктор Литман спросил меня, помню ли я, с чего все началось. Да, он задал вопрос именно так. С чего все началось вместо «что с вами произошло». Его манера задавать вопросы сразу показалась мне странной, и хотя он говорил без акцента, я решил, что он иностранец.

– Я был на похоронах, мне стало плохо, и я потерял сознание, – ответил я, но мне казалось, что моим голосом разговаривает кто-то другой, невидимый посторонний.

Доктор сочувственно покачал головой, но вид у него был разочарованный, почему-то мой ответ его не удовлетворил.

Он вздохнул и присел на соседнюю пустую койку, затем взглянул на медсестру. Она отдала ему бумаги. Он доверительным тоном спросил, слегка наклонившись ко мне:

– Вы помните, чьи это были похороны? – спросил Литман.

Его осторожная манера задавать вопросы заставила меня нервничать. Вместо воспоминаний в голове крутилась скверная мысль – я совершил что-то ужасное.

– Я был на похоронах, – зачем-то снова повторил я.

Каждое произнесенное слово взрывалось у меня в голове и причиняло боль. Должно быть, я сильно ударился, когда потерял сознание.

Мысли закопошились. Обрывки воспоминаний то и дело пробуждались, но все они были не по делу.

... Мне год, и я пробую ходить. Но мама боится, что я упаду и сажает меня обратно в коляску. Она говорит: «Не заставляй мамочку нервничать, лучше посиди смирно».

... Мне 9, но я так и не научился ходить, я просто не понимаю, как управлять ногами, поэтому я до сих пор езжу в детской коляске. В парке я вижу, как одна собака запрыгивает на другую и скачет на ней, словно наездник на лошади. Мать быстро отвозит меня в сторону, повторяя, что это «очень очень скверно, то, что они вытворяют там».

... Мама снова у плиты, ее губы поджаты. Нужно тихонько отсидеться в своей комнате, чтобы она не разозлилась.

... Линда скачет вокруг меня и мешает писать сочинение. Линда. Линда. Ей 10, и она громко поет. Она отвоевывает свое пространство, как умеет.

...Отец безжалостно подрезает молодые побеги у деревьев, чтобы у них крепили корни и чтобы они кустились. Его ножницы делают «кляц-кляц», как будто гигантская птица щелкает клювом. Но она никогда не ест, она только откусывает.

... Каждые выходные мама проводит, сгорбившись над пестрыми клумбами. Она покупает все новые и новые растения, едва зацветшие, еще полные жизни, и высаживает их в высушенную солнцем землю, лишь бы соседи их увидели. Несчастные растения обречены задыхаться и увядать под знойным солнцем ради мимолетных взглядов. А спустя неделю они погибают. И приходит черед новых. Остальное время мама проводит у плиты. Еда, которой она кормит нас, необычная и продолжает шевелиться внутри живота. Перец вспыхивает в желудке, макаронины щекочут нёбо спустя часы после обеда. Она запрещает нам есть в гостях, пугая рассказами о том, что нас могут отравить. Но моя сестра Линда все равно украдкой обедает у друзей. У Линды много друзей, маме это совсем не нравится.

Осколки памяти пролетают мимо меня за секунды. Доктор Литман зачем-то протягивает мне салфетку.

— Сэм, ты слышишь меня?

— Да, — отвечаю я и беру салфетку из его рук, не зная, что с ней делать. Уголки губ разъедают соленые капли, я пытаюсь достать их кончиком языка.

— Ты помнишь, на чьих похоронах ты был? — снова спрашивает доктор, не давая мне погрузиться в себя слишком глубоко.

Мои глаза теперь в гостиной, где переминаются с ноги на ногу родственники и знакомые. В гостиной, заставленной лилиями, от удушающего аромата которых кружится голова. Среди гостей явно нет никого, кто окончил курсы по актерскому мастерству, деланные гримасы грусти и смирения рвутся на их лицах, как некачественные перчатки. И сквозь трещины видна истинная сущность. Опущенные уголки рта вдруг расслабляются, когда к ним приближается очередная закуска.

На мамином лице застыла капризная обида. Мы, дети, снова ее чем-то огорчили.

— Кажется, умер кто-то из наших родственников, — предположил я.

Доктор записал что-то в блокнот.

Я снова в гостиной, в которой бурлят разные голоса, как пузырьки воздуха в кастрюле с кипящей водой. Большой красный ковер, диван и кресло перед телевизором, занавески.

– Да, похороны проходили у нас дома, – я посмотрел на доктора, ожидая нового вопроса, который бы подстегнул мои воспоминания, но он молчал. Тогда я продолжил:

– Все приехали к полудню. Многих гостей я не знал, это были мамины коллеги, друзья. Мы все там были: мама, отец, моя сестра и я. Мама плакала, а отец пытался ее успокоить. Моя сестра, Линда... Кажется, она плохо чувствовала себя. Она собиралась куда-то уезжать. А может, может быть она уже уехала? Может, мама плакала из-за этого? На Линде было платье, новое платье... – и тут я запнулся.

Понимание ситуации неожиданно вспыхнуло где-то в области груди, и мне стало тяжело дышать. Горящие искры медленно оседали во всем моем теле. Видимо, это отразилось и на моем лице. Глаза доктора стали шире, морщины на лбу разгладились. Он был похож на ловца бабочек, выжидающего с сачком долгожданную жертву.

Я произнес эту фразу прежде, чем понял ее значение:

– Моя сестра умерла.

Эпизод 2. Кем мы были до этого?

Если бы я был слеп, я бы подумал, что в тот момент стены в комнате сжались, сделались бумажными, шаткими и свалились на меня, как груда картона. Весь мир должен был рассыпаться в одно мгновение, но все оставалось на своих местах. За окном сердито сигналила машина, женщина говорила по телефону и смеялась, по асфальту шаркали чьи-то ноги. Кто-то в своей палате энергично переключал каналы.

«Это поистине удивительное изобретение. Ваши вещи станут как новые. Позвоните...»

«Она уже третью неделю не теряет своих позиций в чарте».

«...объявил о помолвке с известной...»

«12 человек ранены...»

«...передача на левый фланг и гоооол!»

Доктор Литман похлопал меня по плечу и сказал:

– Отдохните немного. Сестра Роузи зайдет к вам через час.

Он вышел из палаты, и хлопок двери оборвал череду случайных новостей.

Я лежал на больничной кровати, уставившись на белую стену, и пытался сосчитать еле заметные неровности, оставшиеся после покраски. Я вспомнил, что моя болезнь началась с того случая, когда я против своей воли съел суп из мертвецов.

В тот день, мы с Линдой как всегда прогуливались в лесу. Линда катила меня в коляске и попутно собирала с земли сухие ветки. Она мечтала построить шалаш в самой чаще леса, чтобы жить подальше от родителей. Она обещала забрать в новый дом и меня, когда все будет готово, чтобы соседская ребятня перестала, наконец, надо мной издеваться. Другие дети всегда насмехались надо мной, потому что, хотя я и был старше сестры, все еще ездил в детской коляске. С покупкой инвалидного кресла наши родители не торопились. Им было неловко перед людьми за то, что я не могу ходить, и потому пытались скрыть мой изъян от окружающих. Поэтому меня возили в детской коляске вплоть до 13 лет. А когда маму кто-нибудь спрашивал на улице, почему «такой взрослый мальчик все еще ездит в коляске», она отшучивалась и отвечала: «Он просто устал, такой слабенький».

Но если со мной была Линда, она всегда говорила правду:

– Мой брат не может ходить, у него не получается.

И в ее голосе всегда звучали нотки гордости. Она любила меня таким, какой я есть

В тот день во время прогулки она вдруг повернулась ко мне и предложила:

– Давай навестим Руди, я хочу кое-что ему отнести.

Руди – наш старый пес, золотистый лабрадор с вечно высунутым языком. Он тяжело дышал даже зимой, казалось, ему всегда было жарко. Он умер год назад, и мы, собравшись всей семьей, похоронили его в лесу, под высокой сосной возле земляничной поляны. Когда мы хоронили его, Линда положила ему на могилку клочок кошачьей шерсти. Она выпросила его у соседки, когда та вычесывала своего кота. Линда положила шерсть на могилу Руди и объяснила всем нам: «Чтобы он не терял хватки».

– Хочешь нарвать для него цветов? – спросил я.

– Пф, кому нужны эти цветы? – поморщилась Линда, - Смотри, что я ему прихватила. Это уж

получше цветов.

И она достала из кармана куртки какой-то сверток, от него пахло жиром.

– Что там? – заинтересовался я.

Она осторожно развернула салфетки и протянула мне. Это была большая говяжья косточка.

– Ух ты. Где ты ее взяла? – спросил я.

– Выудила из супа, пока мама дремала. – она захихикала. Поступки, которые она совершала тайком, без разрешения взрослых, доставляли ей несравнимое удовольствие. Из нас двоих мальчишкой, без сомнения, была Линда.

– Только какой прок Руди от этой косточки? Он же умер.

– А какая польза от цветов? Он их никогда не любил. Разве что писал на них, - прошептала она и засмеялась, а потом продолжила, любуясь на свой подарок, – Он увидит эту косточку и вспомнит ее вкус и завиляет хвостом от удовольствия, обрадуется, что мы его не забыли.

Через минут десять мы вышли на поляну. В прошлом году, земля, где был похоронен Руди, была безжизненна. На потревоженной земле не росла даже трава. Но сейчас на месте, где был похоронен Руди, выросли грибы. Мерзкие поганки на тонких ножках, белые и коричневые, заполонили все вокруг. Все они были отвратительного телесного цвета. Линда присела на корточки, чтобы получше рассмотреть грибные заросли и с уверенностью заключила:

– Это мертвые прорастают сквозь землю.

И мы оба содрогнулись от отвращения.

Когда мы возвращались домой, Линда рассуждала:

– Интересно, сколько всего домашних животных похоронено в этом лесу? Кошки, собаки, попугайчики, морские свинки. Только представь. Я видела, как папа зарывает здесь мышей, пойманных в мышеловки.

– Мышей? – удивился я.

– Ну да. Тех, что попали в мышеловки. – она грустно вздохнула, - бедняжки. Неужели от них так много вреда, что их нужно убивать?

– Они разносят опасные болезни, – со знанием дела заметил я и все же надеясь, что Линда не спросит меня, какие.

– Ну так мы же не берем их в руки и не гладим.

Потом она резко остановилась, даже коляска моя скрипнула, и возбужденно пробормотала, глядя мне прямо в глаза:

– А может, здесь еще и людей хоронят?

– В лесу?

– Угу.

– Фу, какая мерзость, – поежился я. К счастью, Линда продолжила путь. Мне хотелось поскорее убраться из этого места.

– Убийцы могут закапывать здесь своих жертв по ночам, чтобы их никто не нашел. Вот почему в этом лесу так много грибов, – продолжала Линда, – это мертвецы испаряются. Как вода в чайнике.

Тем же вечером мама приготовила грибной суп. Сладковатый запах бульона и сырой земли наполнил дом. Сочетание мха, сырой земли и... Словно туман он завис в воздухе.

Пока она разливала суп по тарелкам, мы с Линдой в ужасе переглядывались и морщились.

Линда еле слышно прошептала, глядя на меня:

– Я это есть не буду.

– Что не так? – резким тоном спросила мама, присаживаясь и расправляя салфетку на коленях.

Повисло неловкое молчание. Мы с сестрой переглянулись, и вдруг Линда медленно отодвинула тарелку с супом и сказала:

– Я не голодна.

– Уже успела перебить аппетит? – и обратилась к отцу, – Я же просила не давать ей перед обедом сладкого.

– А я ничего и не давал, Нэнси. Только если она сама без спросу что-нибудь взяла. – поспешил оправдаться он.

Мама с грохотом поставила тарелку перед Линдой и приказала:

– Ты это съешь.

В разговор тут же вмешался папа. Он вел себя так, будто был адвокатом мамы.

– Что значит «не голодна»? Мама целый час стояла у плиты, чтобы приготовить вам ужин.

Быстро взяли ложки в руки и есть!

Линда отрицательно покачала головой и снова отодвинула тарелку.

– Ну, если не хочешь суп, съешь хотя бы курицу, – сжалился отец.

– Нет! – вдруг выкрикнула мать, – Хватит с ней нянчиться, как с маленькой, – продолжала она. Стаканы на столе зазвенели от злобных вибраций ее голоса. Лицо ее покраснелось, а губы сжались, так что вокруг рта стала заметна сеточка морщин.

– Или ты съешь суп, или выходи из-за стола, – скомандовала она.

Меня всегда пугали моменты, когда мама злилась. Лицо ее становилось чужим, неузнаваемым. Гнев заново лепил ее черты. В ней появлялось высокомерие и властность.

Линда встала и пошла в свою комнату.

– Неделю без телевизора! – крикнул отец ей вслед.

Мать посмотрела на него с нескрываемым раздражением, и он тут же добавил:

– И никаких прогулок!

Я сидел, затаившись, все это время. Тут все разом вспомнили и про меня.

– Ну а ты? – отец глядел на меня строго, – будешь есть суп?

От одного только запаха у меня к горлу подступала тошнота. Но я, противясь внутренним инстинктам, настойчиво предостерегающим меня от этого блюда из мертвецов, покорно взял ложку и начал есть. Я втянул в себя бульон и тут же почувствовал во рту склизкий гриб. Мне захотелось выплюнуть его немедленно. Ведь это вполне мог быть палец или ухо какого-нибудь мертвеца, но я решил его проглотить, не разжевывая. А потом произнес, натянув улыбку:

– Очень вкусно, мама.

На лице матери появилась удовлетворенная улыбка.

– По крайней мере, одного ребенка нам удалось хорошо воспитать, – покачала она головой.

Эпизод 3. Поглощение

Спустя два часа меня уже выворачивало наизнанку. Родители в панике измеряли мне

температуру, трогали лоб, заставляли пить воду. Никто так и не понял, что произошло в тот день. Возможно, именно мне судьба подкинула в тарелку супа мелко нарезанный ложный гриб. На следующий день я уже был в порядке, поэтому мама решила, что я отравился чем-то другим, а вовсе не ее стряпней.

– Это все потому, что ты вечно грызешь ногти. Отвратительная привычка. У тебя заведутся глисты, – и она наигранно сморщилась, показывая пальцами размеры мелких червяков.

А потом добавила, поглаживая меня по голове:

– Слушайся мамочку, и тогда все с тобой будет в порядке.

Вечером ко мне в комнату пришла Линда. Она плюхнулась на мою кровать и потрогала мой лоб своей прохладной ладонью.

– И зачем ты только его ел? – спросила она.

– Мама бы расстроилась, если бы я отказался.

– Ха, подумаешь. Даже когда мы ведем себя как паиньки, она все равно всем недовольна и вечно придирается.

Я с трудом улыбнулся. Я знал, что она права, но повторить ее слова и даже согласиться с ними, было выше моих сил. Я просто очень хотел быть тем, про кого родители говорят: «С ним у нас никаких хлопот. Послушный, спокойный ребенок. Хороший сын».

Поэтому вместо ответа я только улыбался.

– Мама говорит, что я отравился, потому что грызу ногти.

– Чушь! Я тоже грызу, но как видишь, со мной все в порядке.

– Но ты же грызешь свои ногти. А с моими, может быть, что-то не так...

– Ерунда! Ты заболел, потому что ел суп из мертвецов. – уверенно сказала она, подпрыгивая на кровати.

– Родители тоже ели, но они здоровы.

– Потому что они сами, как мертвецы.

Тогда-то все и началось. Внезапные приступы тошноты стали случаться все чаще. Поначалу мне казалось, что они возникают спонтанно, но позднее я сумел обнаружить, из-за чего они появляются. Причиной моих приступов были мои неверные поступки. А под неверными поступками я подразумеваю действия, огорчающие маму. Стоило ей только взглянуть на меня

своим фирменным взглядом «ты меня разочаровал», и реакция наступала мгновенно. Чем старше я становился, тем больше становилось симптомов. Я обрастал ими, как сырая курочка панировочными сухарями.

Обычно в таких случаях мамы отводят своих детей на прием ко врачу. Но моя мать была не из тех, кто доверял традиционной медицине. Вместо этого она обратилась за помощью и советом к своей прабабушке, большой поклоннице уринотерапии, траволечения и прочих хитрых и отвратительных штук. Та посоветовала отвести меня в церковь, дабы меня, семилетнего мальчугана, избавили от бесов, захвативших мое тело. Следующим пунктом моего лечения стали настои горьких трав и чтение заговоров три раза в день. Как ни странно, сомнительная терапия возымела успех. Чем больше я переступал через себя в угоду своей матери, чем больше слушался ее без сопротивления, тем здоровее себя ощущал. Часть меня безвозвратно погибла в том далеком счастливом детстве, где я не мог набраться смелости сказать «нет».

Эпизод 4. Найденные

В городе всегда так было. Рано или поздно кто-то оставлял ребенка у вашего порога. Порой они даже забывали позвонить в дверь, чтобы несчастного младенца тотчас же забрали. Иногда на подброшенных детей натыкались случайно, открыв входную дверь. На некоторых даже наступали. Вот почему некоторые дети не так красивы, как другие, так объясняла нам это мама. Иногда крик младенца привлекал внимание жильцов, и они тотчас же выходили посмотреть, что стряслось. Рано или поздно это случалось со всеми полными семьями – то есть с теми, где были и мама и папа.

Случилось это и с моими родителями. Сначала они нашли меня, а через год им подбросили и Линду. Когда кто-то подбрасывает вам под дверь одного ребенка –вы еще кое-как готовы к этому, но появление второго всегда кажется ошибкой. Всегда хочется выйти на крыльцо и окликнуть курьера: известить его об ошибке, но вот только бы знать кого.

«Эй, вы уже приносили мне ребенка. Только год прошел. Нельзя же так часто!» Но даже если вы кричали вслед, никто вас не слышал, кроме разве что соседей, которые обеспокоенно выглядывали из своих домов, а потом одаривали вас сочувственной улыбкой, и в ней таилось молчаливое послание:

«Бедняжка. Уже второй. Должно быть, они и вправду ошиблись. Наверняка ребенок предназначался для семьи из дома 17. Та женщина уже давно поглядывает на крыльцо, но кроме

газет ей ничего не приносят».

Ребенка Линды никто не подбрасывал. Он появился сам. Зародился внутри ее тела – плоть в плоти. Тогда у моей сестры и появились те же симптомы, что и у меня. Ее часто тошнило, она побледнела. Казалось, кто-то высасывал из нее жизнь.

Мама объяснила мне, что это скверное дело, когда такое происходит и во всем обвиняла соседского парня по имени Билли, который часто навещался к нам в гости. Вероятно, Линда каким-то образом заразилась от него, тогда я так это понял. Эта мысль меня напугала, ведь я тоже общался с Билли. Я долго ощупывал свой живот, беспокоясь, что и внутри меня может кто-то зародиться. Но мать таинственно сказала, что мне не о чем беспокоиться.

Родители пытались образумить Линду:

– Младенец будет расти в тебе до тех пор, пока не вырастет достаточно большим и не уничтожит твоё тело. Отделиться от тебя он уже не сможет, пойми, иначе он бы там внутри и не появился, – объясняла ей мать.

– Придет время, – добавляла она, – и все встанет на свои места. Ты откроешь входную дверь и увидишь своего ребенка, который предназначен тебе, именно тебе, это происходит со всеми нами.

Но Линда не слушала ее. Она твердо решила оставить ребенка, растущего в ее собственном теле, каким бы странным и неестественным это не казалось. К тому же она решила переехать к своей подруге и начать самостоятельную жизнь.

Я же испытывал суеверный страх перед вездесущей силой и влиянием матери. Она была матерью не только мне, она была Великой Матерью Всего Сущего на Земле, прародительница, кормилица, великая Инь. Мне казалось, никто во всем мире не может совершить тот или иной поступок, пока Она этого не позволит. И вот, моя родная сестра объявляет о переезде.

Отец, как верный паж королевы, выступил на стороне Ее Величества, все силы святой инквизиции родительской любви он бросил на возвращение заблудшей овцы в стадо. Они наперегонки придумывали и озвучивали ужасы будущей жизни Линды вдали от их заботливых взоров. Они пытались запугать ее непременными осложнениями после родов или рождением умственно отсталого ребенка, ведь случай моей сестры был чем-то отвратительным и неестественным. Из уст родителей предостережения звучали как древние проклятия. Они шипели на нее, словно две гигантские змеи. Но Линда давно овладела защитным ритуалом, столь мощным, что ей удалось кое-как заткнуть родителей.

Однажды во время семейного совета Линда встала из-за стола, вплотную подошла к матери и с

улыбкой показала ей средний палец. Но Императрица Инь все равно не сдалась...

После этого Линда ушла наверх, оставив пыль скандала оседать на мебель. Мое кресло жалобно скрипнуло, когда я засобирався в свою комнату, и отец с матерью вдруг обнаружили мое присутствие.

Мать улыбнулась и медленно подошла ко мне. Она начала шептать мне на ухо, мерзко, с придыханием. Эти звуки раздражали мои уши. Я начал смотреть в сторону, на полки, где теснятся забытые ненужные вещи, вынужденные сосуществовать друг с другом без всякой симпатии, без всякой на то причины, без надежды на избавление. Голос моей матери – как серая пыль, оседающая на полки, книги, на мои собственные плечи.

– Поговори с сестрой, Саймон. Она послушает тебя. Только ты сможешь уберечь ее от ошибки.

И я поговорил с Линдой. Я сделал то, что мне велели.

Я сидел в кресле перед окном уже несколько часов подряд, боясь пошевелиться и выронить изо рта те слова, что мать велела мне ей сказать. Линда пришла в мою комнату пожелать спокойной ночи и помочь мне улечься в постель. Когда я уже лежал под одеялом, она села рядом со мной и спросила:

– Саймон, – обратилась она ко мне, и я понял, что в ней зародились сомнения, – Считаешь, я совершаю ошибку?

Я ответил дрожащим от волнения голосом, стараясь не смотреть ей в глаза:

– Придет время, и все встанет на свои места, Линда. Ты откроешь входную дверь и увидишь своего ребенка, который предназначен тебе, именно тебе. Точно так же, как наша мама нашла нас на террасе. Но сейчас не время.

Линда поднялась и вышла прочь из моей комнаты, закрыв за собой дверь.

Эпизод 5. Прощание

Я никогда не забуду стеклянный взгляд Линды в то утро, когда она решила ехать в больницу на операцию. Как будто моргание причиняло ей боль, и потому она смотрела в одну точку прямо перед собой.

Мы все сидели на кухне, мама поставила перед ней тарелку с яичницей, бутерброд и чашку чая.

Линда отодвинула от себя тарелку, точно так же, как в тот день, когда родители заставляли нас есть суп из мертвецов.

Мать удивленно протянула:

– Не будешь завтракать?

– Доктор запретил есть перед операцией.

– Ерунда, это всего лишь легкий завтрак! От него тебе только лучше станет, – возмутилась мать, вновь придвигая тарелку к сестре.

Линда бросила неуверенный взгляд на отца, он послушно махнул головой, соглашаясь со словами нашей мамы. У Линды тем утром не было сил для сопротивления, поэтому она покорно, но без аппетита принялась за еду.

Эпизод 6. Непереваренная.

Я смотрю на гроб, где лежит моя сестра Линда. На ней – белое атласное платье с алыми маками, мать специально купила его для похорон. Линда ненавидела платья. Но теперь она не может противостоять воли матери.

Я не могу выбросить из головы одну мысль, она терзает меня: утренняя яичница все еще в легких моей сестры, все еще булькает там, смоченная приторно-сладким чаем и кусками сэндвича.

От этих образов вновь начинает подкатывать тошнота. Я стараюсь не ковырять раны, силюсь не понимать, что я испытываю в этот трагичный момент кроме подступающей тошноты. Я слышу, как мать театрально рыдает в гостиную, кто-то уговаривает ее успокоиться, звучат вежливые реплики, приправленные щепоткой банальной мудрости, как это всегда бывает на похоронах:

«Она теперь в лучшем мире».

«Господь забирает к себе лучших».

«Она знала, что ее любят».

Мое сердце – самый справедливый судья, оно знает, кто виновен в свершившейся трагедии. Но стоит мне подумать об этом, как я начинаю чесаться. Ворот рубашки давит мне на шею, вызывая невыносимый зуд, словно меня привязали голым в лесу и обрекли на медленную смерть от

комариных укусов. Тело пылает. Я пытаюсь незаметно почесаться, но мои неуклюжие попытки не ускользают от неусыпного контроля моей матери, и вот она уже направляется ко мне.

Лицо ее красное от слез:

– Саймон, – шмыгает она носом, но в целом держится уверенно, – ты опять покрылся этими мерзкими пятнами? – мне кажется, она ненавидит меня просто за то, что я существую, – Господи, да когда же это все кончится? За что мне все это? – она снова рыдает, но это не слезы отчаяния, это слезы раздражения.

Она плачет, как незаслуженно обиженный ребенок, и театрально всхлипывает, задыхаясь:

– Я... родила вас... на свою погибель.

Взгляды гостей обращены к нам, все притихли в ожидании импровизированного представления. Одна из маминых знакомых обнимает маму и бросает на меня осуждающий взгляд. Я чувствую себя неблагодарным сыном и начинаю чесаться еще сильнее. Я тоже пытаюсь обнять маму, но она брыкается, как рыба, пойманная в сети. Окружающие начинают перешёптываться, бог знает, какие сценарии они напридумывали себе. Сцена из американского фильма с корейскими субтитрами. Бегущая строка потаенного смысла, скрытого в иероглифах. И вот уже начинает казаться, что эти символы вмещают в себя нечто большее, чем просто реплики актеров. Кто-то всегда знает чуть больше, чем остальные.

Наша, а теперь только моя, мать не говорит о смерти Линды всей правды. Она придумала благопристойную легенду, что ее дочери вырезали аппендицит под общим наркозом, и врач совершил роковую ошибку. Отец, точно актер из массовки, вообще ничего не говорит, а на все расспросы только машет головой «да» или «нет», как игрушечная собачка, которую обычно ставят в машину на приборную панель. Голова его словно подвешена на крючок к полуму туловищу. Мать рыдает и выкрикивает проклятия: «Во всем виноваты чертовы врачи! Они погубили мою дочь».

Прабабушка, похожая на чернослив, присыпанный мукой, вздрагивает от ее слов, как шпион, услышавший кодовое слово. Она сидит на диване, спиной к матери. У прабабушки скрипучий мерзкий голос, словно в ее горле десяток несмазанных дверей, и каждая поет на свой лад. Она вещает тоном пророка, вылезающего из могилы, заслышав звук иерихонской трубы:

– Не надо ей было идти ко врачам. Попарила бы ноги недельку, попила бы настой полыни, и, глядишь, ребеночек и сам вышел. Я так многим девкам помогала. А врачи скоблят их, как кастрюльки, как кастрюльки, – последние слова она произносит, уже плача, и слезы теряются в каньонах ее морщин.

Гости вновь замирают, уставившись на говорящий труп на диване. Но прабабушка не замечает удивленных взглядов, и вместо того, чтобы продолжить целомудренно рыдать, она вытирает слезы с щек, облизывает свои синие губы и тянет трясущуюся руку к бисквитам. Сорок человек пристально наблюдают за тем, как золотистого цвета крошки сыпятся из беззубого рта на узорчатый ковер.

Я в ужасе наблюдаю эту сцену. Мне страшно перевести взгляд на мать.

Ее лицо еще никогда не было настолько бледным. С минуту она с нескрываемой злостью смотрит на прабабушку, и я замечаю, как плотно сжаты мамины челюсти, еще полные зубов. Сцена из фильмов серии Animal Planet. Лев уже не первой свежести высматривает из-за кустов больную старую лань, маразматично без удовольствия жуящую траву с полужакрытыми глазами.

Я украдкой осматриваю гостей. На их лицах застыло еле сдерживаемое восхищение – ничем не примечательные похороны обернулись сенсацией, достойным поводом для сплетни месяца. Теперь весь город узнает, что моя сестра стала жертвой неудачного аборта. Но никто не объяснил им, что Линда захлебнулась непереваренным завтраком, который ей скормила ее любящая мать.

Эпизод 7. Шрамы

Раздается звонок в дверь. Я протискиваюсь сквозь толпу на коляске и еду открывать. На пороге стоит Майя, лучшая подруга Линды. На ней светлые джинсы и белая футболка на два размера больше. Траур она носит в душе. Майя судорожно гладит свои хрупкие острые плечики обессиленными руками, как будто успокаивает себя, и содрогается от рыданий. Ее можно принять за жертву автокатастрофы. Она открывает рот, чтобы поздороваться, но вместо слов из ее горла вырывается вопль отчаяния.

Я заключаю ее в объятия и чувствую, как ее слезы впитываются в мою рубашку.

На лужайке перед домом криво припаркована ее машина. Я к ужасу замечаю, что одним колесом она раскучила наш газон.

В коридоре слышатся ровные шаги – это мама.

– Кто там пришел? – спрашивает она.

– Миссис Дэвис, – захлебываясь в слюне и слезах обращается к ней Майя. – Что произошло с ней? Она должна была приехать ко мне во вторник вечером.

Мать смотрит на нее, как учитель на провинившегося школьника, холодно и осуждающе.

Затем, ни слова ни говоря, берет ее под руку и быстро отводит ее в сторону, туда, где другие гости их не слышат. Но их разговор слышу я.

– Она была так счастлива... Я не понимаю, зачем она решила сделать это... В нашу последнюю встречу она была твердо намерена оставить ребенка, – Майя наивно полагает, что моя мать ее поддержит.

– Я говорила ей не крутиться с тобой и твоей компанией, – вдруг говорит моя мать, она всегда отвечает невпопад и никогда не слушает собеседника, – Эти грязные вонючие панки, черт бы вас побрал! Размалеванные морды! Я так и знала, что случится беда.

Майя на грани истерики.

– Ну-ка потише! – цыкает на нее моя мать. И тут на Майю снисходит озарение.

– Так это вы... вы заставили ее, заставили избавиться от ребенка. Вы убийцы! – визжит Майя.

Я внутренне содрогаюсь от ее слов. Она прочла мои мысли и отпустила их на волю своим голосом. Голова кружится, будто кто-то ударил меня по затылку. Майя, разумеется, ничего не знает о яичнице и сэндвиче, о приторном чае, которые попали в легкие моей сестры, когда та лежала на операционном столе под общим наркозом.

– Убирайся из моего дома, – шипит на нее мать.

– Я пришла не к вам, а к Линде. Мне нужно увидеть ее. Я должна попрощаться.

Мать хватает ее и выталкивает за дверь, но Майя ведет себя словно рассерженная кошка: она царапается и вырывается. Ловкое движение и она уже с криком, наполненным отчаянием и болью, несется к гробу.

Увидев свою подругу лежащей в гробу, Майя на минуту затихает. Теперь все гости прислушиваются только к ее учащенному дыханию. Потом она падает на колени и в ее груди начинается клокотать. Она тихонько воет:

– Что они с тобой сделали? – Майя берет руку Линды и прижимается к ней щекой.

Потом встает с колен и кричит присутствующим:

– Это не ее платье, она никогда не надела бы такое дерьмо! – выкрикивает она.

Отец подхватывает ее невесомое тельце и пытается оттащить ее от гроба.

– Она этого не хотела! Не хотела! – продолжает выкрикивать она, но всхлипы сдавливают ее

голос.

Через пару минут все затихает. Слышно только, как визжит машина на нашем дворе. Мать смотрит в окно, и ее лицо приобретает устрашающий вид.

– Только посмотри на это, она же испортит нам газон! – вопит она и выбегает из дома.

На зеленом ворсистом ковре лужайки теперь отчетливо видны глубокие черные шрамы.

Мать хватается за голову и кричит вдогонку Майе:

– Какая же ты все-таки сволочь!

Потом она поворачивается ко мне:

– Зачем ты только еепустил?

И не дожидаясь моих оправданий, уходит обратно в дом.

Черные шрамы на зеленой аккуратной лужайке – это прощальный жест Линды. Мы хотим закопать ее, а она портит наш загон посредством машины своей подруги.

Я неуклюже выкатываюсь на газон и тяну руку к земле, чтобы дотронуться до следа от шин. Я надеюсь дотянуться, но теряю равновесие и падаю. Лежа ничком на газоне, я чувствую, что земля прохладная и влажная, ее запах – это запах прошлых жизней, бесследно растворившихся в ее черноте. Вся Земля – сплошное кладбище. Я рыдаю.

Эпизод 8. Дыхание

В таком состоянии меня обнаруживает отец. Он поднимает меня с земли со вздохом, полным разочарования:

– Эх, Саймон...

Он снова усаживает меня в инвалидное кресло и завозит в дом. Входная дверь за нами захлопывается. Это самый тоскливый звук в мире. Мне никогда не сбежать из этого дома.

Час спустя гости уже достаточно выпили, чтобы забыть, зачем они сюда пришли. Со всех сторон

доносятся с трудом сдерживаемые смешки, разговоры уже лишены похоронной сдержанности. Для кого-то это идеальная обстановка, чтобы завести новые знакомства. Я не осуждаю этих людей. Я даже не знаю их.

Издалека я вдруг замечаю, как дышит моя мертвая сестра. Я пытаюсь пробраться сквозь толпу гостей, которые не замечают меня, в своей коляске я достаю им чуть выше пояса, совсем как маленький мальчик. Но наконец мне удается подъехать к гробу. Букетик, который Линда держит в безвольных руках, медленно поднимается то вверх, то вниз, и мне начинает казаться, что Линда нашла обратную дорогу из царства вечной темноты.

Я наблюдаю за тем, как вздымается ее грудь, ее живот и кричу изо всех сил:

– Она жива! Линда жива!

Гул удивления проносится за спиной.

Я наклоняю голову к ее груди, надеясь услышать биение проснувшегося сердца, и замечаю на ее безупречном новом платье червя. Он извивается, не находя себе места, каждое его движение пронизано судорогой. Я брезгливо смахиваю его на пол, жалея о том, что ноги мои не шевелятся, иначе я придавил бы его ботинком.

На шее моей сестры я обнаруживаю еще одного червя, и еще парочку на плече, другие пытаются спрятаться в волосах. Но больше всего их скопилось на букете. Я поднимаю цветы, чтобы отряхнуть от мерзких падальщиков, но вдруг вижу, что на животе Линды шевелится и дышит живая подстилка, усыпанная маленькими бледными червями. Это гнездо опарышей. Их здесь тысяча.

В моих парализованных ногах происходит какая-то перемена. Горячая жидкость щекочет их изнутри, я вскакиваю с кресла, делаю несколько неуверенных шагов прочь в порыве отвращения и падаю в туман обморока. К своему удивлению, я все еще слышу, как суетятся гости. Кто-то требует принести мне воды, другие – охают и переминаются с ноги на ногу, беспокоя скрипучий паркет. Но сквозь закрытые глаза я не вижу никого, кроме Линды. Она стоит прямо передо мной, смотрит на меня сверху вниз, как будто пытается уложить меня спать. Она улыбается и говорит мне:

– Саймон, ты скоро станешь дядей. Посмотри, что там у меня. Я чувствую, это где-то внутри.

И она поглаживает своими длинными бледными пальцами свой большой изъеденный живот, кишаций червями. Опарыши сыпятся вниз, словно крупа, а вместе с ними рассыпается и тело моей сестры. Черви падают на ковер, на меня, я пытаюсь прикрыть лицо руками, но у меня не получается. Они уничтожили мою сестру, они сожрали ее изнутри...

Эпизод 9. Освобождение

Доктор Литман и медсестра Роза разбудили меня, когда зашли в палату, радостно о чем-то переговариваясь. Роза поставила непрозрачный контейнер на тумбочку рядом с койкой, затем уверенным движением руки откинула одеяло и приподняла мою рубашку. Я увидел свежий шрам на своем животе.

– Я что, поранился, когда упал? – спросил я удивленно, наблюдая за тем, как Роза обрабатывает рану какой-то жидкостью.

Медсестра усмехнулась и посмотрела на доктора, давая ему возможность все мне объяснить.

– Нет, Саймон, тебе сделали операцию 4 часа назад, – ответил доктор Литман.

– Это был аппендицит? – попытался угадать я, пытаясь рассмотреть шрам на животе.

– Нет, – хитро протянул доктор, – кое-что гораздо интереснее.

Он сделал знак Розе, и она открыла контейнер. Доктор извлек из контейнера банку, достал из кармана увеличительное стекло и сел рядом со мной. В банке шевелился какой-то узел.

– Что это? – поморщился я.

Доктор ударил ручкой по стеклу, и узел распался надвое. В банке извивались два длинных бледных червя. Один из них, что был крупнее, явно пытался выбраться наружу. Когда доктор Литман навел на него лупу, и я вдруг увидел черты человеческого лица.

– Ну что, узнаешь кого-нибудь? – шутливо спросил доктор.

Я вглядывался в это лицо и не мог поверить своим глазам. Большой нос, узкие карие глазки, сжатые губы и это вечно недовольное выражение лица. А еще отвратительного вида присоски, они были по всему его телу.

– Это же... моя мама! – просипел я.

Роза, стоявшая поодаль, понимающе засмеялась.

Второй червь был гораздо меньше. «Лицо» его было вытянутое, изможденное, весь его вид излучал недоверие и вместе с этим страх. Он не пытался выбраться, а покорно вздрагивал на дне банки.

– Отец? – не веря своим глазам, вымолвил я.

– Долгое время они жили внутри вас, – объяснял доктор Литман, – Ваш организм считал этих червей частью себя самого, а потому даже не пытался с ними бороться. Эти существа отравляли ваш разум и тело день за днем. Скажите, Саймон, ваша мама любила заниматься садоводством, когда вы были ребенком?

– Да, она постоянно сажала цветы, – я был удивлен, что доктор так быстро догадался о пристрастиях моей матери, – она высаживала их у дороги, чтобы проходящие мимо люди их видели. Чтобы соседи их видели, чтобы...

Доктор перебил меня:

– О, это самая распространенная причина. Так черви и попадают в наш организм, – задумчиво добавил он, – Скорее всего, ваша мама забывала мыть руки перед готовкой. Но, – он радостно махнул рукой, – это уже неважно. Важно, Саймон, что ты сможешь наконец-то ходить. Дело в том, что личинки, которых наплодили эти два паразита, создали колонию в твоём позвоночнике и повредили нервные связи, поэтому твои ноги были парализованы. Но к счастью...— доктор постучал ногтем по стеклянной банке, мама-червь закрутился еще быстрее, – ... мы с этим разобрались.

Заключение

Я провел в больнице почти месяц. Доктор Литман запретил родителям навещать меня, опасаясь, что они снова меня заразят. Каждый день я принимал лекарства и учился ходить, делал упражнения, заново открывал свое тело. Я висел на турнике и чувствовал, как хрустит мой позвоночник, распрямляясь после долгих лет жизни, проведенных в коляске. Позвонки вставляли на место и давили оставшихся личинок. Я слышал, как лопаются их маленькие бледные тельца, выпуская бесцветную жидкость в мою кровь.

Уже в последние дни реабилитации, во время прогулок по больничным коридорам, я начал замечать женщин с огромными животами. Они тяжело передвигались, иногда опираясь о стены, и хватались за спину, в точности как я. Я долго пытался понять, что с ними, пока доктор Литман наконец, не объяснил мне, что у этих женщин скоро появятся дети.

Вскоре я узнал, что в нашем городе никто не оставлял детей на пороге. Они рождались тут, в городской больнице, под крики и проклятия своих матерей, корчившихся от боли. Когда моя мать

позвонила мне, я рассказал ей об этом. Но она лишь промолчала в ответ. Она сказала, что я попал в странное место и лучше мне вернуться домой. Она обещала приготовить что-нибудь вкусное. Но я положил трубку.

В день выписки из больницы я отправился на кладбище.

Земля на могиле Линды уже осела, но было все еще ясно, что здесь совсем недавно погребли усопшего. Я прихватил ей из больницы сувенир. Я снова вспомнил ту прогулку по лесу, когда мы навещали Руди. Я достал банку из сумки и высыпал белых червяков на землю. Паразиты начали крутиться. Я знал, что они ищут своими мерзкими присосками пищу, особенно резвым оказался мама-червь. Я придавил его каблуком первым, а потом раздавил и второго, еще и еще раз. Я давил их ботинками до тех пор, пока они оба не превратились в одно розовое пятно, похожее на малиновый конфитюр. А когда все закончил, обтер ботинки о траву.

– Все лучше, чем бесполезные цветы, – произнес я вслух и направился прочь от могилы сестры, в сторону выхода.

(13.03.2014 – 25.06.2016)

© Copyright: Соня Сирена, 2016